

Наверное, не будет преувеличением сказать, что понятие о церковном богослужебном пении складывается у будущих священнослужителей во время их обучения в стенах Духовной школы из тех впечатлений, которые они получают от пения академических хоров. По этой причине именно к регенту одного из хоров Московской Духовной Академии — иеродиакону Лазарю (Гнативу), студенту IV курса МДА, обращены сегодня вопросы нашего журнала. Надеемся, что размышления нашего собеседника будут интересны и полезны читателю.

Илья Островский, Максим Троеглазов, 2 класс МДС

Опасно увлечение внешним, если оно не продиктовано потребностью духа

Отец Лазарь, как бы Вы определили понятие “церковность”, когда речь идет о богослужебном пении?

— Определить церковность того или иного явления — значит определить его духовную природу и степень внешней и внутренней причастности нормам церковной жизни. Но если относительно степени внешней причастности мелодического чина требованиям Богослужебного Устава сделать это подчас не составляет особого труда, то говорить о внутренней, духовной природе как отдель-

ного мелодического средства, так и того или иного песнопения, звучащего в храме, бывает довольно непросто. Ведь для того, чтобы определить степень соответствия законов организации звукового материала внутренним нормам церковной жизни, прежде всего, требуется духовный опыт. Осознавая свое духовное убожество и, в то же время, желая обрести хоть какие-либо ориентиры, в этом вопросе необходимо изучить те мелодические средства и законы их организации, которые оставлены нам святыми песнотворцами и гимнографами, а также научиться смотреть на

богослужбное пение глазами, умом и сердцем тех, кто стяжал ум Христов (1 Кор. 2, 16), чья жизнь стала непрерывным славословием Творца.

Святитель Иоанн Златоуст в одной из своих бесед говорит: "...умертви уды плотские и тело свое настрой согласно с душою. Ибо когда плоть не похотствует на дух, но покоряется его велениям, когда дух будет постоянно вести плоть по этому наилучшему и удивительному пути повиновения, тогда он составит духовную мелодию", то есть, по мысли Святителя, формообразующими принципами мелодизма богослужбного пения являются именно аскетические нормы, ведущие к духовному совершенству и богоугодной жизни.

Вершина всего аскетического делания — молитва. Будучи центром, от которого всякое иное действие черпает свою силу и утверждение, молитва составляет необходимое условие и основание богослужбного пения, на что указывал преподобный Григорий Синаит, который писал: "Гласное пение (то есть пение, производимое голосом — *и. л.*) есть указание на умный вопль внутри". Таким образом, становится очевидным, что единый процесс богослужбного пения включает в себя два уровня:

1) сугубо внутреннее молитвенное состояние, рожденное во внутренней клетке, когда по преподобному Силуану Афонскому, "сердце становится храмом Господним, а ум — престолом Его";

2) определенные движения голоса или мелодический чин, как проистекающий из того состояния, когда *от избытка сердца говорят уста* (Лк. 6, 45).

Рожденный в процессе аскетического подвига и молитвенного делания, мелодический чин служит не для воссоздания душевно-эмоциональной атмосферы, но для приобщения внутренней сущности молитвы. Неслучайно святитель Григорий Нисский указывает, что "любознание сладкозвучием означает нечто большее, нежели как понимают многие", и, что, пророк Давид, "придавая божественным словам неподготовленное и безыскусственное сладкогласие, хочет сладкопением, при известном течении речи, истолковать смысл произносимого, когда сам тон голоса открывает, сколько возможно, мысль, заключающуюся в изречениях". Процесс пения в богослужении не есть нечто внешнее, эстетически окрашивающее и, тем самым, облегчающее восприятие молитвенных текстов; это — внутренне необходимое, неотъемлемое, органическое свойство молитвы, при котором мелодический чин, по меткому выражению одного из исследователей, становится "символом Духа".

Очевидно, что такие критерии, как темп ("медленный"), динамика ("тихо"), лад (минорный — "покаянный" или мажорный — "праздничный"), являются лишь только внешними и не определяют сущности "церковности" или "молитвенности". Преподобный Феодор Студит писал, что независимо от того, громко или тихо идет псалмопение, протяжно или скоро, более всего внимания должно уделяться благочинию, то есть соответствию мелодического чина чину богослужбному. В то же время под понятием "бесчинного вопля", далеко не обязательно понимается нечто безобразное или нестройное для слуха. Скорее, это пение, построенное на основании законов, духовная природа которых чужда всему церковному.

Среди духовенства и воцерковленных певчих, в основном, существует два мнения о репертуаре приходского хора:

а) Петь нужно только "обиход": изменяемые молитвословия — строго на гласы, а неизменяемые — на общезвестные церковные напевы (например, "Иже Херувимы" — Старосимоновская, "Милость Мира" — архимандрита Феофана);

б) Необходимо расширять репертуар церковных хоров за счет пения "подобнов", монастырских распевов или произведений церковных композиторов.

Каково Ваше суждение по этому вопросу?

— Рассуждая о церковном обиходе и проблемах "расширения репертуара" церковных хоров, думаю, уместно вспомнить мнение основателя одесской хоровой школы Константина Константиновича Пигрова. Получив образование в Придворной певческой капелле, профессор Одесской государственной консерватории К.К.Пигров некоторое время был регентом хора кафедрального собора. Будучи известным интерпретатором "Реквиема" Моцарта, кантаты "Иоанн Дамаскин" Танеева, Константин Константинович, по воспоминаниям очевидцев, любил повторять: "Ничего не знаю лучше церковного обихода..."

Мне думается, что одной из причин этому было отсутствие в церковном обиходе того избыточного интеллектуального и эмоционального накала, которым так часто дышат авторские произведения, и наличие особой простоты, чистосердечности и глубокого благоговейного чувства, которые, по мысли святителя Игнатия Ставропольского, являются подлинным украшением богослужбного пения.

Это в полной мере можно отнести и к монастырским распевам. Их возникновение, как известно, связано с возрождением старчества и умного делания. Дух творит формы. Монастырские распевы, в сравнении с монодией (одноголосием) древних распевов, в этом смысле являются удивительным примером нового мелодического мышления. "Подобно тому как раковина обволакивает специальным веществом попавшую в нее инородную песчинку, превращая ее в жемчуг, русское мелодическое мышление, борясь с проникшим в него иноземным гармоническим началом, стало обволакивать его своим перламутром и превращать в нечто самобытное и завораживающее". Так, по мнению В.И.Мартынова, можно описать период зарождения и становления монастырских распевов, а также выявить их значение в богослужбной практике.

Пение на "подобны" занимает особое место среди этого вида распевов, являясь одновременно и данью древней традиции, и требованием Богослужбного Устава. В качестве положительного примера можно указать на традиции Лаврского хора, в "обиходе" которого свыше 30 подобного рода жемчужин.

Как Вы относитесь к древним распевам (знаменному, демественному), троестрочию, а также к исонному пению. Возможно ли, на Ваш взгляд, возрождение древних распевов в наше время?

— Древнерусская система богослужебного пения, которую без преувеличения можно считать подлинным сокровищем литургического наследия Святой Руси, объединяет различные одноголосные и многоголосные системы в единую стройную иерархическую структуру или “чин распевов”. “Иерархия” распевов зависит от самых различных факторов, которые, в свою очередь, требуют серьезного осмысления. Например, в отношении исонного пения можно сказать следующее.

До недавнего времени пение с исоном считалось достойным, главным образом, византийских певческих традиций. Исследования профессора А.Конотопа позволили говорить о существовании этого вида пения и в отечественной практике. Выводы этого профессора основаны на сопоставлении обнаруженных им в древнерусских певческих рукописях знаков, очертаниями напоминающих букву “Э”, с изображением головщиком подобного хейрономического знака на одной из древних икон. Исон — непрерывно тянущийся звук определенной высоты, на фоне которого звучит основная мелодия, — является символом нетварного божественного света, подобно золотому фону на иконах. Разве можно представить себе, чтобы иконописец использовал его произвольно? А ведь нечто подобное, к сожалению, случается сегодня в пении, когда исон используют в качестве экзотического украшения “под старину”. Это лишь один из примеров того, что древние распевы — своего рода “святая святых” богослужебного пения, и потому требуют к себе соответственного бережного отношения.

Особое место в “чине” древних распевов, без сомнения, принадлежит знаменному распеву. Синтетичность беспометной крюковой нотации, которой фиксируется этот распев, то есть сочетание устной и письменной традиций, отсутствие точной, звуковысотной фиксации и диастематического (интервального) принципа звуковысотных отношений, формульность мышления и центонный принцип формообразования, которые присущи знаменному распеву, своими корнями восходят к традициям богослужебного пения VI–VIII вв. Это, в свою очередь, дает возможность говорить о знаменном распеве как об уникальном явлении не только в системе древнерусского богослужебного пения, но и в мировой певческой практике. Духовные и конструктивные основы знаменного пения позволяют назвать его в подлинном смысле “поющим богословием”. И здесь, конечно, возникает естественное желание воспользоваться этим сокровищем, о чем уже неоднократно писалось и говорилось.

Проблема “возрождения” знаменного распева — тема, требующая специального рассмотрения. Лишь в качестве отдельного замечания хотелось бы поделиться следующим размышлением. Отец Серафим (Роуз), ссылаясь на “Повесть об антихристе” Владимира Соловьева, говорил о том, что антихрист, дабы привлечь тех православных, кто лишь внешне держится традиций, откроет Музей

христианской старины. “Пожалуй и образ зверя (Откр.13,14), — говорил о.Серафим, — будет написан с соблюдением византийских иконописных традиций”. Если продолжить эту мысль, можно предположить, что и коронация антихриста в Иерусалимском храме будет происходить под звуки знаменного распева.

“Пусть эта мысль будет нам трезвящим напоминанием”, — писал о.Серафим. Прислушаемся к нему, ибо так опасно увлечение внешним, если оно не продиктовано внутренним — потребностью духа, а служит лишь самоцелью или очередным увлечением.

Сегодня мысль современных исследователей всецело занята попыткой реконструкции того или иного вида распева, и понятно почему. Во многом это пока — “святыня под спудом”. Но если принять во внимание слова преподобного Григория Синаита, что “надлежит, по образу жизни нашей, ангельскому быть и пению нашему” и учесть все, что было сказано о нерасторжимом единстве богоугодной жизни и богослужебного пения, то помимо вопроса, как петь древние распевы, встает другая, не менее важная проблема: кому петь то пение, которое издревле именовалось на Руси ангелоподобным.

Что могли бы Вы порекомендовать будущему священнику для правильной организации приходского хора и работы с ним?

— Давать какие-либо конкретные рекомендации сложно, не зная реальных условий и возможностей того или иного прихода.

В качестве общего пожелания позволю себе сослаться на опыт святителя Игнатия Ставропольского. В “Историко-статистическом описании Троице-Сергиевой пустыни” отмечены труды настоятеля по благоустройству богослужения в обители. Архимандрит Игнатий прекрасно понимал, что в монастыре ничто не имеет такого значения, как богослужение. Он сам подбирал иеродиаконов, обладающих хорошими вокальными данными, а архидиакона Гедеона выкупил у фабриканта Жукова за двести рублей. Много трудов было затрачено отцом настоятелем на устройство монастырского хора. Из разных монастырей были вызваны способные к пению иноки и послушники. Будущим святителем были подобраны хорошие голоса для хора, регентом которого был определен протоиерей Петр Турчанинов. Живое участие в организации хора принимали директор Придворной капеллы А.Ф.Львов и М.И.Глинка. Совокупными трудами знаменитых композиторов и отца архимандрита монастырский хор был возведен в степень первого в России монашеского хора.

Опыт великого святителя уникален и содержит много поучительного.

Что касается более конкретных пожеланий, то здесь можно посоветовать будущему священнику в своих требованиях к клиросу соразмерять возможности и желания, отдавая предпочтение качеству, не экспериментировать во время службы и, что немаловажно, — уже сейчас приобретать необходимый нотный материал.